

Семантика заглавия романа Е. Водолазкина «Авиатор»

Наталия Анатольевна Николина, Московский педагогический государственный университет
(Россия, Москва), ruskafedra314@gmail.com

Зоя Юрьевна Петрова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва),
zoyap@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170007627-8

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается семантика заглавия романа Е. Водолазкина «Авиатор», вышедшего в 2016 году, и прослеживается связь названия этого произведения с основным текстом и эпиграфом. Показано, что заглавие в конденсированной форме выражает основные темы текста, связано с его важнейшими сюжетными линиями, композицией произведения и ключевыми образными параллелями. Определяется смысл заглавия романа Е. Водолазкина «Авиатор», при этом анализируется постепенное изменение семантики заглавного слова по мере развертывания текста, обогащение его дополнительными смыслами ('независимость', 'одинокость', 'широкий обзор сверху'). Выявляются интертекстуальные связи произведения, прежде всего со стихотворением А. Блока «Авиатор». Особое внимание в статье уделено системе метафор в романе (*жизнь — полет, авиатор — птица* и др.) и их роли в тексте. Отмечается многофункциональность заглавия в романе. Анализ заглавия позволяет выявить подтекст романа, дать интерпретацию текста произведения, определить авторские оценки и ключевые оппозиции романа (прошлое / настоящее, историческое время / личное время, общественная жизнь / частная жизнь, непрерывность времени / дыры во времени и др.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: заглавие, метафора, образная параллель, семантика, художественный текст, оппозиция

для цитирования: Николина Н. А., Петрова З. Ю. Семантика заглавия романа Е. Водолазкина «Авиатор» // Русская речь. 2019. № 6. С. 82–91. DOI: 10.31857/S013161170007627-8.

благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 19-512-23004 «Метафорическая картина мира современной русской и венгерской прозы конца XX — начала XXI в. (сопоставительный анализ)».

The Language of Fiction

The Semantics of the Novel Title “Aviator” by E. Vodolazkin

Natalia A. Nikolina, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow),
ruskafedra314@gmail.com

Zoya Yu. Petrova, V.V. Vinogradov Russian Language Institute (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), zoyap@mail.ru

ABSTRACT: The article discusses the semantics of the title of the novel by E. Vodolazkin “Aviator” published in 2016 and traces the connection between the title of this work and both the main text and epigraph. The research shows that the title expresses the main themes of the text in a condensed form and is associated with its most important subject lines, the composition of the work and the key figurative parallels. The article determines the meaning of the novel title “Aviator” and considers a gradual change in the semantics of the headword and its enrichment with additional meanings such as ‘independence’, ‘loneliness’, ‘wide view from above’. Intertextual links of the work are revealed, primarily with the poem “Aviator” by A. Blok. The paper focuses on the system of metaphors in the novel (*life — flight, aviator — bird*, etc.) and their role in the text. The article emphasizes the multifunctional character of the title. The analysis of the title reveals the subtext of the novel, gives an interpretation of the text and determines the author’s estimates and key oppositions of the novel (the past/ the present, historical time/personal time, public life/private life, time continuity/holes in time, etc.).

KEYWORDS: title, metaphor, figurative parallel, semantics, literary text, opposition

FOR CITATION: Nikolina N. A., Petrova Z. Yu. The Semantics of the Novel Title “Aviator” by E. Vodolazkin. *Russian Speech = Russkaya Rech’*. 2019. No. 6. Pp. 82–91. DOI: 10.31857/S013161170007627-8.

ACKNOWLEDGEMENTS: This research is supported by a grant from Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-512-23004 “Metaphorical picture of the world of modern Russian and Hungarian prose of the late 20th — early 21th century (comparative analysis)”.

Одним из важнейших компонентов художественного текста является его заглавие, которое занимает в нем абсолютно сильную позицию. Заглавие — это «компрессированное, нераскрытое содержание текста. Его можно метафорически изобразить в виде закрученной пружины, раскрывающей свои возможности в процессе разворачивания» [Гальперин 1981: 133].

Заглавие художественного произведения многофункционально. Оно, во-первых, соотносит текст с его главными героями, временем действия, основными пространственными координатами; во-вторых, устанавливает контакт с адресатом текста; в-третьих, отражает авторское видение изображаемого. Оно, как правило, многозначно и выступает как «мета-языковая перифраза текста с символической уплотненностью значений» [Григорьев 1979: 194–195].

Для интерпретации художественного произведения важны анализ семантики заглавия и соотнесение его с основным текстом. «Как завязь в процессе роста разворачивается постепенно множащимися и длинящимися листьями, так и заглавие лишь постепенно, лист за листом, раскрывается в книгу: книга и есть — развернутое до конца заглавие, заглавие же — стянутая до объема двух-трех слов книга» [Кржижановский 1994: 13].

Обратимся к анализу заглавия романа Е. Водолазкина «Авиатор» (2016), вызвавшего большой читательский интерес и различные оценки. Заглавие его представляет своеобразную загадку для читателя: в позицию названия вынесено слово, обозначающее профессиональную деятельность, к которой не имеет отношения главный герой. Это слово неоднократно повторяется в тексте и выступает как в прямом, так и в переносном значениях. Среди образных номинаций главного героя, наряду с именами

Лазарь и Робинзон Крузо, оно является ключевым. Как отмечает Н. А. Фатеева, «многочисленные сцепления, которыми обрастает заглавие в ходе чтения текста, перерождают семантическую структуру его восприятия» [2010: 29].

Заглавие *авиатор* связывает разные временные планы произведения. При этом актуализируются различные ассоциации, связанные с этим словом, которое употребляется в ключевых моментах повествования. Впервые оно появляется в воспоминаниях о раннем детстве: «Мы с кузеном Севой на Финском заливе. <...> Мы с ним запускаем воздушного змея. Бежим по вечернему пляжу у самой кромки воды. Иногда задеваем воду босыми ступнями, и брызги сверкают в заходящем солнце. Воображаем себя *авиаторами*. Летим вдвоем: на переднем сиденье я, на заднем Сева. Там, в холодном небе, пустынно и одиноко, но нас согревает наша дружба.

— *Авиатор* Платонов, — кричит мне сзади Сева. — *Авиатор* Платонов, по курсу населенный пункт Куоккала! Я не понимаю, зачем Сева обращается к своему коллеге так церемонно. Может быть, для того, чтобы Платонов не забывал, что он *авиатор*». В этом контексте слово *авиатор* связано с ситуацией игры.

По мере взросления героя семантика слова усложняется. Следующее его употребление соотносится с изображаемыми реалиями (полеты аэропланов на Комендантском аэродроме) и воспоминаниями об увиденных Платоновым авиаторах, которым он решил подражать. В этом контексте слово сопровождается метаязыковой рефлексией Платонова: «Меня завораживало само слово — авиатор. Его звучание соединяло в себе красоту полета и рев мотора, свободу и мощь. Это было прекрасное слово. Позднее появился “летчик”, которого будто бы придумал Хлебников. Слово неплохое, но какое-то куцее: есть в нем что-то от воробья. А авиатор — это большая красивая птица. Такой птицей хотел быть и я. Авиатор Платонов. Это стало не то чтобы домашним именем, но время от времени меня так называли. И мне это нравилось». Слово *авиатор* метафорически сопоставляется с птицей, и одновременно с ним связываются символические смыслы ‘свобода’, ‘полет’, ‘мощь’, отражающие осознание героем своего пути. В этом проявляется способность заглавия регулярно выражать символические смыслы, ср.: «Позиция заглавия — это потенциально символическая позиция в словоупотреблении» [Григорьев 1979: 195]. С лексической метафорой в тексте при этом взаимодействует звуковой облик слова, оцениваемый самим повествователем.

Далее образ авиатора усложняется, рефлексия героя над ним проявляется в обобщающей образной параллели «взлет авиатора — символ надлежащего течения жизни»: «Однажды в Сиверской я видел, как с плохо

выкошенного поля взлетал аэроплан. Набирая разбег, *авиатор* объезжал выбоины, подпрыгивал на кочках и внезапно — о, радость! — оказался в воздухе. Глядя, как судорожно перемещается по полю машина, никто полета, откровенно говоря, не ожидал. А *авиатор* — взлетел. <...> С каких-то пор эта картинка видится мне символом надлежащего течения жизни. Мне кажется, что у людей состоявшихся есть особенность: они мало зависят от окружающих. Независимость, конечно, не цель, но она — то, что помогает достигать цели. Вот бежишь ты по жизни со слабой надеждой взлететь, и все смотрят на тебя с жалостью, в лучшем случае — с непониманием. Но ты — взлетаешь, и все они с высоты кажутся точками. <...> А ты летишь в избранном тобой направлении и чертишь в эфире дорогие тебе фигуры. Стоящие внизу ими восхищаются (немножко, может быть, завидуют), но не в силах что-либо изменить, поскольку в этих сферах всё зависит лишь от умения летящего. От прекрасного в своем одиночестве *авиатора*».

В этом контексте слово *авиатор* приобретает метафорическое значение, связанное с образной параллелью «жизнь — полет». Оно интерпретируется уже на основе не словарного значения лексической единицы, а на ассоциациях, актуализируемых в тексте романа.

Метафора обогащается такими смыслами, как «независимость», «одиночество», «отстраненность», с ней связывается в структуре повествования пространственная точка зрения «сверху», которая, как показывают следующие ключевые контексты романа, определяет основное предназначение «авиатора» — дать обзор ситуаций прошлого с мельчайшими присущими им деталями. Мотив «широкого обзора» определяет кольцевую композицию романа — диалог, представленный в эпиграфе, повторяется затем в конце произведения:

«— Что вы всё пишете?

— Описываю предметы, ощущения. Людей. Я теперь каждый день пишу, надеясь спасти их от забвения.

— Мир Божий слишком велик, чтобы рассчитывать здесь на успех.

— Знаете, если каждый опишет свою, пусть небольшую, частицу этого мира... Хотя почему, собственно, небольшую? Всегда ведь найдется тот, чей обзор достаточно широк.

— Например?

— Например, *авиатор*».

Происходит дальнейшее развитие метафоры *авиатор* на основе ассоциации, связанной с ситуацией полета авиатора причинно-следственной связью: «Летающий на большой высоте самолет предоставляет авиатору возможность многое увидеть сверху». И именно эта ассоциация лежит в основе осмысления основного призвания главного героя — «описателя».

Еще одна ассоциация, связанная с темой высоты полета, формирует оппозицию «верх (небо)» / «низ», в которой актуализируется противопоставление частной жизни «авиатора» жизни общественной, последняя сравнивается в тексте с бассейном без воды, а население России — с живущими глубоко под водой рыбами: «Сейчас вдруг подумал, что это своего рода модель общественной жизни. Которая, если разобраться, не жизнь, а фантом. Погружение в нее небезопасно: очень даже может выясниться, что в этом бассейне не было воды»; «[Платонов] Сравнил население страны с глубоководными рыбами. Они, дескать, только и могут жить что под давлением».

Как отмечал Евгений Водозазкин, ««Авиатор» — роман о другой истории: чувств, фраз, запахов, звуков». Воскрешенный герой восстанавливает в памяти «утраченную Атлантиду», мир прошлого, описывая бытовые повседневные ситуации. Например: «Чай осенью на открытой веранде. Сапогом раздувают тлеющие угли. <...> Все — кто бы они ни были — тепло одеты, на некоторых шарфы. К самовару тянутся руки: он уже способен греть. Беседа — нескончаемые титаник да фердинанд — движется волнами, то тише, то громче». В центре внимания повествователя оказываются события прошлого, однако само понятие «событие» понимается героем как факт личной истории: «В очередной раз задаю себе вопрос: что вообще следует считать событием? Для одних событие — Ватерлоо, а для других — вечерняя беседа на кухне. <...> Ведь это только на первый взгляд кажется, что Ватерлоо и умиротворенная беседа несравнимы, потому что Ватерлоо — это мировая история, а беседа вроде как нет. Но беседа — это событие личной истории, для которой мировая — всего лишь небольшая часть, прелюдия, что ли. Понятно, что при таких обстоятельствах Ватерлоо забудется, в то время как хорошая беседа — никогда».

Авиатор, таким образом, трактуется в романе как описатель «внимательно прожитого времени», стремящийся заполнить образовавшиеся в нем пробелы, «дыры»: «Те, кто жили вечностью, особо ценили время. И даже не столько время, сколько его непрерывность, отсутствие дыр», ср. слова героя в изложении Насти: «Иннокентий сейчас смотрит старые фильмы и хронику. Говорит, что у него дыра во времени, и он ее заделывает». Неслучайно, что для заглавия романа выбрано устаревшее в современном русском языке слово *авиатор*, а не современная номинация *летчик*.

Помимо смысла 'особое предназначение авиатора, стремящегося сохранить «непрерывность времени» и способствовать «воскрешению поколения» по памяти', который не связан прямо с лексическим значением слова, а возникает на основе ассоциации, слово *авиатор* развивает в тексте романа образную параллель, базирующуюся на его основном значении,

включающем семантический компонент 'полет на летательном аппарате'. С полетом метафорически отождествляется жизнь человека, итоги которой зависят от выбранного направления. С точки зрения Платонова, полет может быть как удачным, так и неудачным. Обобщающая метафора полета выражается в тексте в ряде конкретных глагольных метафор: *взлететь, лететь, упасть вниз, спикировать*, которые взаимодействуют с другими глаголами движения: *споткнуться, оступиться*. При помощи этих метафор оценивается и жизнь самого повествователя, и жизнь других персонажей. Так, размышляя о своей жизни, Платонов замечает:

«— На какой же все-таки кочке я *споткнулся*? Почему не *взлетел*? Что погубило мои способности к живописи?»

При встрече героя на Соловках с бывшим «авиатором» Севой, ставшим чекистом, также используются метафоры, характеризующие неудачный полет: «Неужели Севе так хотелось от меня избавиться? Сколько же мы с ним летали на змее-аэроплане, я на переднем сиденье, он на заднем! Сева ведь и на пересыльном пункте не пересел на переднее: не расстрелял меня, не лишил жизни своею волей. <...> Как это Сева так *оступился*, что его аэроплан *спикировал вниз*?»

Отметим, что эта образная параллель относится к метафорическому архетипу «жизнь — движение», к тому его подтипу, который можно условно обозначить как «движение на транспортных средствах», в начальный период развития языка художественной литературы представленному тропами с опорными словами лексико-семантических групп «Корабли»: *корабль, челн, ладья* — и «Наземный транспорт (конный)»: *колесница, телега, коляска, тройка* (например, *жизни колесница* у Жуковского, *телега жизни* у Пушкина), — а затем, параллельно с изменениями в реальном мире, пополняющемуся различными обозначениями более современных средств передвижения: *пароход, паровоз* («Так жизнь вперед летит, — летит, как *паровоз*, Меняя сны и впечатленья (К. Фофанов)), *поезд* («Как *поезд* движется в тоннель, Так в старость мы войдем» (Е. Винокуров)), *вагоны, автобус* и т. д. [Иванова 1985: 163–166; Кожевникова 1995: 11–12], — в том числе и летательных средств: *самолет, аэроплан* и др., ср.:

Истории советской ход,
Как *реактивный самолет*,
К сверхскорости себя готовь,
Что было, то не будет вновь.
(А. А. Баркова, 1956).

В тексте романа «Авиатор» мотив жизни как движения в неверно выбранном направлении, помимо метафоры неудачного полета на аэропла-

не, связан и с использованием обозначений других средств передвижения, прежде всего с развертыванием метафоры «революции — локомотивы истории»; впервые она появляется в диалоге Платонова и Севы:

«Сева — мне:

— Вступай в партию большевиков!

<...>

— Зачем вступать?

— Готовить революцию. Революции, по Марксу, — это *локомотивы* истории.

Сева теперь, оказывается, марксист.

А если, — спрашиваю, — локомотив куда-нибудь не туда пойдет? Не ты ведь им управляешь».

Затем этот же образ повторяется в предсмертной речи Севы:

«Интересно, что в одну из таких минут Сева вспомнил наш разговор о локомотивах истории. Он привел его своим мучителям и сказал:

— Не думал я, что этот *локомотив* привезет меня сюда. А ведь предупреждал меня Иннокентий: ходи пешком».

В результате в тексте романа актуализируется оппозиция «историческое время / личное время», последнее и выбирает авиатор, причем делая выбор в пользу прошлого.

Помимо метафоры полета на самолете, мотив полета в романе развивается и безотносительно к транспортным средствам. Полет как таковой служит в романе сигналом перехода из одного измерения в другое. Впервые ощущение полета появляется у главного героя в раннем детстве, в воспоминаниях об этом употребляются метафоры *парить*, *полет*, в контексте метафоры полета происходит переключение временных планов «прошлое / настоящее»: «Церковь — большая радость, особенно в детстве. <...> Мать... берет меня осторожно, подносит к иконе. Поясницей чувствую ее ладони, а мои валенки и варежки свободно перемещаются в воздухе, и я как бы *парю* в направлении иконы. <...> Навстречу мне, распахнув руки, Мать Божья, и я целую Ее в руку неловко, потому что *полет* мой не мной управляем, и, поцеловав, прикасаюсь, как положено, лбом. На мгновение чувствую прохладу Ее руки. И вот так я *парю* себе в церкви, проплываю над священником, машущим кадилом, — сквозь ароматный дым. <...> Вдоль окон, за которыми заснеженная страна. Россия? У неплотно прикрытой двери зримо клубится стужа, на ручке — иней. Щель резко расширяется, в возникшем прямоугольнике — Гейгер. — Доктор, мы ведь в России? — спрашиваю».

Другой контекст с метафорой полета описывает состояние героя после мучений на Секирной горе и близость его к смерти как преодоление времени: «Волочат вверх по ступенькам, втаскивают в “фонарь”. “Фонарь” —

это верхняя часть храма, служившая прежде маяком. Там сейчас нет ни светильника, ни стекол. Только ветер, самый сильный ветер, который на вершине холма. Ты сопротивляешься ему какое-то время, а потом сопротивление исчезает. И время исчезает — та продолжительность, которую невозможно описать. Ты отдаешься на волю этого ветра, он залечит твои раны, он понесет тебя в правильном направлении. И ты летишь».

Реальные полеты «авиатор» Платонов совершает уже в современном мире, причем последний трагически обрывается. Возможную гибель героя предвосхищает повторяющаяся в романе цитата из стихотворения Блока, выполняющая интертекстуальную проспективную функцию:

«Летун отпущен на свободу,
Качнув две лопасти свои,
Как чудище морское — в воду,
Скользнул в воздушные струи»;

«Уж поздно: на траве равнины
Крыла измятая дуга...
В сплетении проволок машины
Рука — мертвее рычага...»

Таким образом, в романе происходит постепенное усложнение семантики заглавного слова *авиатор*, которое по мере развертывания текста обогащается дополнительными смыслами и в свернутом виде соотносится со всем содержанием произведения. Заглавие *авиатор* оказывается центром порождения значимых для интерпретации текста образных параллелей, взаимодействующих в романе. Оно сочетает конкретность и обобщенность и отражает систему авторских оценок и мировоззренческих установок.

Литература

- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.
Григорьев В. П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979. 344 с.
Иванова Н. Н. Демократизация стихотворной речи (современный этап) // Григорьева А. Д., Иванова Н. Н. Язык поэзии XIX–XX вв. Фет. Современная лирика. М.: Наука, 1985. С. 139–230.
Кожевникова Н. А. Эволюция тропов // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Общественные средства поэтического языка и их трансформация. М.: Наука, 1995. С. 6–79.

Кржижановский С. Д. Поэтика заглавий // С. Кржижановский. Страны, которых нет: Статьи о литературе и театре. Записные тетради. М.: Радикс, 1994. С. 13–39.
Фатеева Н. А. Синтез целого. На пути к новой поэтике. М.: НЛО, 2010. 352 с.

References

- Fateeva N. A. *Sintez tselogo. Na puti k novoi poetike* [Synthesis of the whole. On the way to the new poetics]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2010. 352 p.
- Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 140 p.
- Grigor'ev V. P. *Poetika slova* [Poetics of the word]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 344 p.
- Ivanova N. N. [Democratization of poetic speech (modern stage)]. Grigor'eva A. D., Ivanova N. N. *Yazyk poezii XIX–XX vv. Fet. Sovremennaya lirika* [The language of poetry of 19th–20th centuries. Fet. Modern lyrics]. Moscow, Nauka Publ., 1985, pp. 139–230. (In Russ.)
- Kozhevnikova N. A. [The evolution of tropes]. *Ocherki istorii yazyka russkoi poezii XX veka. Obraznye sredstva poeticheskogo yazyka i ikh transformatsiya* [Essays on the history of the language of Russian poetry of the 20th century. Figurative means of poetic language and their transformation]. Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 6–79. (In Russ.)
- Krzhizhanovskii S. D. [Poetics of the title]. Krzhizhanovskii S. *Strany, kotorykh net: Stat'i o literature i teatre. Zapisnye tetradi* [Countries that do not exist: Articles on literature and theater. Notebooks]. Moscow, Radiks Publ., 1994, pp. 13–39. (In Russ.)